

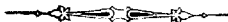
А $\frac{225}{616}$

КОММЕРСАНТЪ НА КАНАТЪ

ИЛИ ПОХОЖДЕНІЯ

ИЗВѢСТНАГО РУССКАГО КАНАТОХОДЦА

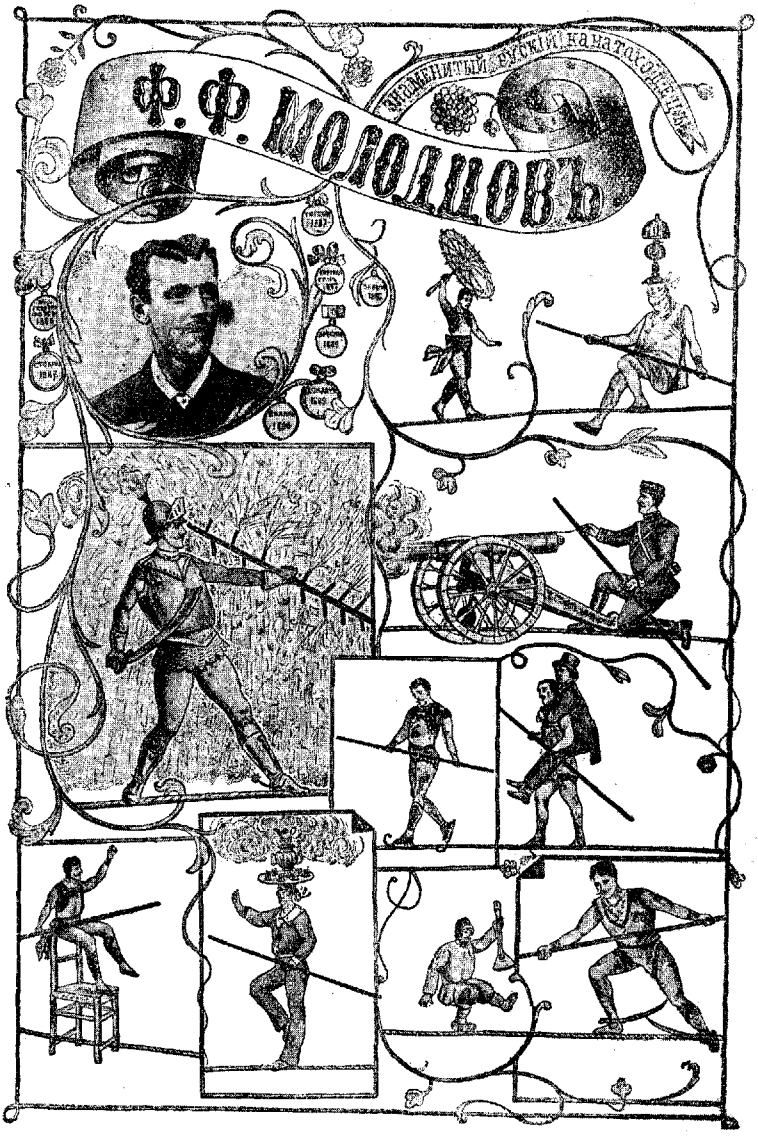
ФЕДОРА МОЛОДЦОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Г. Авсъенко. Троицкая улица, д. № 22.

1895.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію моихъ по-
хожденій, я считаю не безынтереснымъ ознакомить
почтеннѣйшую публику съ маленькой моей біогра-
фіей.

И такъ, — къ дѣлу. Я родился, какъ и всѣ рожда-
ются, отъ честныхъ родителей. Отецъ мой былъ вре-
менный купецъ, крестьянинъ Ярославской губерніи,
занимался онъ торговлей — имѣлъ 5 мелочныхъ ла-
вокъ, 2 питейныя заведенія и 2 деревянныхъ дома
на Петербургской сторонѣ; родился же я на углу
Звѣрининской ул. и Мытнинскаго переулка, гдѣ и по
сей часъ существуетъ лавка. 7-ми лѣтъ отданъ я
былъ въ частную школу, съ платою по 1 руб. въ мѣ-
сяць, для обученія русскому языку; но такъ какъ я
хотя мальчуганомъ и былъ, какъ говорится, сорви-
голова, но все таки, въ то же время, обладалъ пре-
красной памятью, за что меня старушка учительница
полюбила, и стала меня учить за ту же цѣну фран-
цузскому и нѣмецкому языкамъ. Родной матери я ли-
шился когда мнѣ было 4 года, и мой отецъ женился
на второй. Мачиха моя была женщина безграмотная
и, найдя совершенно лишнимъ, по ея понятію, бро-
сать деньги на вѣтеръ, настояла на своемъ, чтобы
отецъ взялъ меня изъ школы. Какъ ни настаи-

вала учительница, прося отца, чтобы онъ не бралъ меня изъ школы, но на всѣ ея доводы отецъ стоялъ на своемъ, говоря: „Онъ у меня будетъ торговецъ; а для торговца въ мелочной лавкѣ больше не требуется, какъ читать и писать, а вмѣсто ариѳметики есть у насъ на то счеты“. И вотъ, на девятомъ году подвязали мнѣ фартукъ, и поставили въ кабакъ за выручку, въ качествѣ прикащика. Въ прежнее время кабаки были совсѣмъ не такіе, какъ теперь, и допускались къ торговли въ нихъ даже и малолѣтніе. При такомъ образцовомъ воспитаніи не мудрено, что я съ малыхъ лѣтъ приучился пить водку. Года черезъ два перевелъ отецъ меня въ мелочную лавку учиться другой премудрости. Прикащикомъ въ той лавкѣ былъ родственникъ моего отца; житье мое было очень незавидное; зима въ то время стояла суровая, а одѣтъ я былъ прескверно: ходилъ въ рваныхъ сапогахъ, въ такомъ же рваномъ пальто, спалъ на мѣшкахъ съ мукой или на печкѣ въ пекарнѣ, матраць и подушку замѣняли мнѣ тоже мѣшки изъ подъ муки. А сколько потасовокъ приходилось переносить отъ приказчика и хлѣбопека—одному только Богу извѣстно. Бывало пожалуешься отцу, но вмѣсто защиты получишь еще прибавку; такъ какъ отецъ пилъ, то махиха и завладѣла всѣмъ.

Такъ жизнь моя шла до 1871 года; въ этомъ году въ одной изъ лавокъ зацѣпствовалъ прикащикъ, и отецъ, вмѣсто его, меня туда и поставилъ. Тутъ жизнь моя измѣнилась, я вздохнулъ свободнѣе; но не долго пришлось мнѣ блаженствовать: черезъ какіе-нибудь 4 мѣсяца, въ одинъ прекрасный день, при-

ѣхало нѣсколько ломовыхъ извозчиковъ, во главѣ того же родственника, и увезли весь товаръ, а лавку закрыли. Я же остался не при чемъ. Съ полгода помыкался изрядно: бывало, придешь домой, т.-е. къ отцу, а тебя и ночевать не пускаютъ. Заберешься въ сарай, да тамъ и проспишь до утра, и это часто бывало при морозѣ въ 10° и болѣе. Въ заведеніяхъ отца познакомился я съ наборщиками, которые и опредѣлили меня, въ качествѣ ученика, въ типографію. Этимъ я заканчиваю свою біографію, переходя къ болѣе интересному.

Какъ я сдѣлался канатоходцемъ.

Въ Зоологическомъ саду лѣтомъ ходилъ по канату полотерь-самоучка Егоръ Васильевъ, котораго я часто по вечерамъ видѣлъ, и узнавъ, что онъ получаетъ большое жалованье, и сличивъ со своимъ (я въ типографіи получалъ 4 руб. въ мѣсяць, да и тѣ за кушанье мачиха отбирала), не долго думая, утромъ съ одного сарая на другой, черезъ помойную яму, перекинулъ жердь, и вотъ по этой-то жерди и давай въ свободное время практиковаться; дѣло пошло на лады; конечно, не разъ приходилось совершать полеты съ моего импровизированнаго каната въ помойную яму, но надежда сдѣлаться канатоходцемъ преодолѣла все.

Не помню, гдѣ-то я приобрѣлъ веревку, замѣнилъ ею жердь, и когда почувствовалъ себя достаточно подготовленнымъ, предложилъ содержателю Зоологическаго сада свои услуги. Это было осенью. Содержатель сада проэкзаменовалъ меня, нашелъ слабоватымъ, и предложилъ поступить къ нему въ качествѣ ученика, на что я и согласился; канатъ для репетиціи былъ натянутъ въ саду, на высотѣ не болѣе 2 аршинъ, на которомъ я учился всю зиму. Словъ нѣтъ, не легко мнѣ это ученье досталось: не разъ тросточка учителя гуляла по моей спинѣ и по чему попало, но я на это не обращалъ вниманія. Пришла весна; управляющій садомъ озлился на меня за что-то, черезъ что я и прекратилъ занятія въ саду, отчего впоследствии я много потерялъ.

Предложилъ я свои услуги въ саду Сосова, за Невскою заставою, и вотъ, въ 1873 г., 17 мая, было на афишѣ большими буквами объявлено: „Сегодня 1-й дебютъ русскаго канатоходца Федора Иванова“, такъ какъ подъ своею фамиліею я выступить не хотѣлъ. Канатъ протянутъ былъ черезъ прудъ; но что это было за устройство, вѣдаетъ Аллахъ! Не успѣлъ я даже до середины дойти, какъ канатъ мой расчался и, въ концѣ-концовъ, меня подбросило къ верху, но какимъ-то чудомъ я уцѣлѣлъ, схватился за канатъ и доползъ на рукахъ до конца каната, и моментально спустился внизъ. Передъ тѣмъ, какъ идти по канату, съ самаго утра сжимало сердце и не одинъ разъ приходила мысль отказаться; но энергія взяла верхъ. Не знаю самъ, какъ приближалъ я въ гардеробную; товарищъ мой успѣлъ открыть ее; си-

димъ и смотримъ другъ на друга. Въ окно увидѣлъ я, что идетъ къ намъ хозяинъ сада. „Ну! — говорю, — Карло, онъ идетъ гнать насъ“. Но опасенія мои не оправдались. Хозяинъ только сказалъ мнѣ, что полиція безъ репетиціи мнѣ не дозволяетъ ходить по канату. На утро прорепетировалъ при приставѣ благополучно, и дѣло пошло на ладъ. Года два былъ въ трупахъ у гимнастовъ, гдѣ и научился гимнастикѣ.

Въ это время дѣла моего отца упали, и онъ имѣлъ уже только одну мелочную лавку, въ которой и торговалъ самъ. Разъ какъ-то у него ушелъ хлѣбпекъ — я и переѣхалъ къ нему, и за кушанье долженъ былъ печь хлѣбы.

Подошла зима, а я не имѣлъ мѣста, какъ артистъ, то поступилъ въ одинъ частный театръ въ качествѣ реквизитора. Этому искусству я выучился у Берга. Въ масляницу, кромѣ того танцевалъ у Малафѣева китайскій танецъ. До 1878 года я доставалъ себѣ кусокъ хлѣба то артистическимъ, то другимъ ремесломъ. Въ этомъ же году мнѣ посчастливилось, и я въ г. П. имѣлъ свой увеселительный садъ. Дѣла были превосходныя; — за лѣто осталось тысячъ 6. Зимой, въ Петербургѣ, въ трактирѣ В. арендовалъ 4 биллиарда, а въ 1879 году выступалъ въ Крестовскомъ, Лѣтнемъ и Таврическомъ садахъ съ своей группой подъ фамиліей Жакъ Ричардъ, а также ходилъ въ Лѣтнемъ саду черезъ прудъ по канату. Въ этомъ же году былъ данъ въ солдаты и служилъ въ пограничной стражѣ. Въ 1892 году былъ уволенъ со службы по болѣзни, совсѣмъ. Въ это время отецъ мой умеръ.

На мою долю пришлось получить 2 тысячи рублей, на которыя я и открылъ свою мелочную лавку, но через годъ прогорѣлъ и началъ опять ходить по канату. Вотъ тутъ-то и вспоминается извѣстная пѣса: „На случай не состоятельности“, — гдѣ пьяный купецъ увидя Блондена, придя домой и взявъ кочергу въ руки, сталъ ходить по веревкѣ, положенной на полъ... Въ этомъ же году взялъ въ ученье мальчика, котораго выучилъ, и путешествовалъ по городамъ, и участвовалъ въ садахъ Крестовскомъ и Александріи.

Какъ я попалъ за границу.

Въ 1887 году я получилъ ангажементъ въ Гельсингфорсъ, въ циркъ Бушь, съ которымъ и уѣхалъ въ Швецію—Стокгольмъ, загѣмъ Эребро и Готебургъ. Нашъ хозяинъ, нѣмецъ, насъ страшно эксплуатировалъ, вслѣдствіе того, что мы говорить не умѣли на иностранныхъ языкахъ; поэтому условленнаго жалованья даже и половины мы не получали.

Когда же я возсталъ противъ несправедливости, то онъ насъ отказалъ отъ мѣста, несмотря на то, что мы каждый день по 3 № работали—полеты на трапеціяхъ, воздушное попурри и пирамиды на стульяхъ; кромѣ того и въ пантомимахъ участвовали. И вотъ очутился я безъ денегъ. Не было никакой возможности тронуться ни назадъ ни впередъ. На наше счастье былъ одинъ клоунъ, который говорилъ немало по русски; онъ-то и устроилъ такъ, что капитанъ парохода взялъ насъ до Копенгагена (Данія) довести, гдѣ я и долженъ былъ заплатить за проѣздъ;

но вещи до уплаты за проѣздъ должны были находиться на пристани. Сердце болѣло при мысли: а что если мы мѣста тамъ не достанемъ. Скрѣпя сердце и махнувъ рукой припоминали мы русскія пословицы: „Богъ не безъ милости“ и „Рискъ—благородное дѣло“, которыя въ этотъ разъ оправдали себя. Денегъ оставалось у меня въ карманѣ всего кроновъ 6 (на наши деньги 3 р.), половину которыхъ взялъ извозчикъ за проѣздъ до гостинницы. Помывшись и оправивъ гардеробъ, который, къ слову сказать, былъ въ самомъ плачевномъ состояніи, и выйдя на улицу съ ученикомъ (ученикомъ былъ мой братъ), конечно, у кого не спрашивали про театръ, гдѣ онъ находится, насъ никто не понималъ, и мы сами кое-какъ нашли театръ „Національ“. На наше счастье, тамъ былъ ангажированъ балетмейстеръ Гольцеръ, который насъ и рекомендовалъ въ этотъ театръ. И вотъ, по окончаніи ангажемента, мы съ 1 апрѣля должны были играть въ Бреславлѣ. Но такъ какъ въ тотъ годъ зима была холодная и снѣжная, то мы не могли къ сроку поѣхать, и поѣхали на пароходѣ, пробиваясь сквозь ледъ, и чуть было не погибли, такъ какъ нашъ пароходъ получилъ проломъ въ носу. Только благодаря тому, что подоспѣли другіе 2 парохода, которые сѣбѣпились бортами, насъ доставили благополучно въ Штетинъ. Изъ Штетина поѣхали въ Берлинъ. Очень трудно было намъ первое время; жили мы чуть-ли не на чердакѣ, имѣли маленькую комнату, въ которой съ нами помѣщались еще трое странствующихъ музыкантовъ; не одинъ день приходилось намъ голодать. На счастье, встрѣтили знакомаго артиста,

который раньше, въ Кіевѣ, былъ съ нами ангажированъ. Тотъ-то насъ и рекомендовалъ въ садъ „Новый Свѣтъ“ (Neue Welt), на такихъ условіяхъ: если 1-й дебютъ мы не понравимся, то платятъ намъ 100 марокъ и выгоняютъ вонъ; но послѣ перваго дебюта нашъ контрактъ продлили на мѣсяць.

Какъ я сдѣлался знаменитымъ, или—не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло.

Второй дебютъ чуть не окончился для меня печально: шель я по канату съ привязанными саблями, и на самой серединѣ каната балансъ мой разломился на 3 части; я не потерялъ присутствія духа, схватился за канатъ, отвязалъ сабли, взялъ ихъ въ руки и перешелъ до конца, т. е. на платформу. Какъ по мановенію руки, раздался громъ рукоплесканій. На другой день во всѣхъ газетахъ были большія рецензіи, что такой-то русскій былъ на волоскѣ отъ смерти, проявилъ удивительное присутствіе духа, а главное хладнокровіе, и т. д. Съ нѣмецкихъ газетъ перепечатали и другія страны, даже и въ петербургскихъ газетахъ было. Въ то время мы получали одинъ за другимъ ангажементы, и уже писали насъ на афи-

шахъ: „Знаменитые русскіе эквилибристы братья Федоръ и Константинъ Молодцовы“.

За эти 6 лѣтъ мы проѣхали чуть-ли не всю Европу. Въ одномъ Берлинѣ были ангажированы 8 разъ. Если писать всѣ встрѣчи и приключенія, то понадобилось бы издать нѣсколько томовъ; но я не хочу утомлять читателя мельчайшими подробностями, и потому пишу, насколько возможно, очень сокращенно. Не разъ мнѣ и подрѣзали канаты мои конкуренты. Въ Берлинѣ, въ саду „Berliner Bock Brauerei“, канатъ былъ уже натянутъ; отработавъ съ братомъ воздушное попури и предчувствуя что-то недоброе, я пошелъ провѣрить канатъ; раза два съ силой дернулъ за укрѣпъ, раздался трескъ, мачты закачались; оказалось, что канатъ былъ подрѣзанъ, и лопнулъ. Не сдѣлай я этого, мы бы съ братомъ и слугой неминуемо погибли, такъ какъ братъ и мой лакей помогали мнѣ на платформѣ одинъ съ одной стороны, другой — съ другой, и они никоимъ образомъ не устояли бы тамъ.

Боксъ по принужденію въ Лондонѣ.

Меня все интересовало, и я сравнивалъ заграничнаго рабочаго съ русскимъ; въ свободное время шлялся я по разнымъ кабакамъ и вертепамъ, и вотъ въ Лон-

донѣ, на окраинѣ города, я зашелъ въ одно такое заведеніе, и потребоваль вина около стойки; въ это время подходитъ ко мнѣ субъектъ, хлопаетъ по спинѣ ладонью и бормочетъ что-то. Конечно, я его не понимаю, такъ какъ съ англійскимъ языкомъ не былъ знакомъ. Спрашиваю его по нѣмецки; тогда подошелъ ко мнѣ матросъ, и спросилъ, какой я націи; я ему солгалъ, сказавъ, что я венгерець, такъ какъ англичане русскихъ ненавидятъ. Я, въ свою очередь, спросилъ его, что этому субъекту надо отъ меня. Онъ мнѣ сказалъ: моя морда ему нравится, поэтому онъ хочетъ со мною боксировать. Не принять вызова—это значило рисковать быть избитымъ всей компаніей, какъ трусь; на счастье, я еще въ Россіи, въ циркахъ, отъ англійскихъ артистовъ выучился боксировать; и такъ, вышли мы на средину комнаты, а зрители окружили насъ; сошлись, я отпарироваль, а онъ напалъ на меня; какъ-то я прозѣваль, и онъ поднесъ мнѣ въ щеку, но не особенно сильно; тогда я, въ свою очередь, угодилъ ему прямо въ носъ, у него потекла кровь; онъ остервенился, а я все отбивался хладнокровно и, выбравъ удобный моментъ, угодилъ ему подъ глазъ; тогда другіе его пріатели прекратили состязаніе наше, меня же силой посадили за столъ и, какъ храбраго, начали угощать. И, Богъ знаетъ, мнѣ пришлось респивать съ какими-то жуликами или еще того хуже.

Жилось мнѣ за границей хорошо, жалованье получаль хорошее и вездѣ меня любили; къ чести нѣмецевъ, скажу, хотя мы были въ такое время, что нѣмцы русскихъ ненавидѣли, но къ артистамъ они одинаковы, какой бы ты ни былъ націи—это безраз-

лично; а вотъ въ Англіи мы не писались русскими. Въ 1892 году я возвратился въ Петербургъ, получилъ ангажементъ въ Измайловскій садъ, а остальное уже публика знаетъ изъ рецензій, а многіе и лично.

*Составилъ безъ посторонней помощи самъ Федоръ
Молодцовъ.*

1895 года 28-го Іюня.

